
Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

Растерянная птица-Мандельштам
стучала клювом в мерзлое стекло,
а за стеклом шла старая вражда,
не оставляя места для стихов.
А за стеклом — не слышат зябких птиц,
там слышат только нервный лязг щеколд
рассохшихся дверей, пустых глазниц,
чьих слез уже не чувствуют щекой...

Над вышками в заснеженном аду —
встает все тот же ярко-красный круг,
а птица здесь — стучится в темноту,
где не дано расслышать этот стук
из-за того, что память — громкий шум,
и рвет тельняшку пьяная душа.
Так прежний нож подрежет вдоха шнур —
растерянную птицу-Мандельшта...

* * *

Люди-загадки —
при свете порою гадки,
как лягушки на донце кадки,
если к тому же изба в упадке,
и лишь крестик вшит под подкладку...
А все же ищешь ответ —
кроссвордист с юных лет.
Вера в людей — последний билет
на премьеру в ледовом дворце,
где будто неясно, что там в конце...

Ария Ленского —
лопнула, словно леска,
от улова — лишь отзвук всплеска.

Андрей Дмитриев родился в 1976 году. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Точка зрения», «Этажи» и «Литература», журналах «Нева», «Дружба народов», «Новая Юность», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон», «Луч» и других. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды», «Африкаснет» и «Глубина тиснения», участник коллективного сборника «Настоящие» из серии «Нижегородское собрание сочинений». Живет в Нижнем Новгороде.

За спиной опустив занавеску,
выходишь на улицу — место
общее априори,
как любая обжитая территория,
где эпидемия кори
или увесистей хвори —
то, на что отвечает реальность: soggy.

Вот потому-то город
так болезненно молод,
и это — обыденный повод
вдыхать его холод,
а выдыхать легкий пар,
как при слове «судьба»...
А ведь тоже загадка —
почему все так горько, но сладко
на языке, что завтра
осыплется в разговорник
для изучения хором.

Люди — все те же люди,
так что яблочко не катай на блюде —
все равно надкусанным будет
справа, а может быть, слева,
но больше уже не захочешь — спроси у Евы...

* * *

Конь коню — не конь,
а огонь
в жилах степи.
— Потерпи, —
шепчет кровь,
что жаркой рекой
табунов полощет нутро
мира — мир по форме ядро,
а по сути — волны из спин
и взлохмаченных грив.
Что ж, пусть в нем, но все-таки жив...

Ты — кочевник,
вольная форма черни —
в омут вечерний
бросаешься с головой,
да лук твой —
с порванной тетивой,
и стрела — роднится с травой

сухим стеблем,
что надломлен еще вне тела,
вставшего на пути.
— Потерпи, — шепчет кровь. — Потерпи...

Ковкий запад,
восток же — лишь запах
пряных листьев
на тропах лисьих.
Тут оставишь дымиться золу,
что уже — ни к добру, ни ко злу —
суеверные ищут звезду
в почерневшем потоке,
где смешались запад с востоком.

Ты — кочевник,
кочуй, ведь чем-то
продолжается школьный учебник...

* * *

Маленький человечек
кричит: надышаться нечем.
Этим вот есть, а мне чем?
Воздух — протух, хоть подсвечен,
выкраден, только конечен.
Блекнет на пальце колечко
маленького человечка —
то ли так тускл вечер,
то ли у восковой речи
кончились свечи...

Маленький человечек —
даром что гуттаперчев —
весь поломался, став никудышной вещью.
Чем это лечат?

Поле засеют картечью,
кровью полив, а не кетчупом.
К мясу добавляют гречу.
Сядут перекалеченные,
в пластырях из аптечки
и съедят этот мир за встречу...

Маленький человечек
в чем-то вязком по плечи
детские слезы и девичьи
по поводу грубой сечи

воспринимает как средство от нечисти,
правда, извечно
не хватает в составе какой-нибудь мелочи —
впрочем, так всегда с человечеством.

Трамвая бубенчик.
Город вскрыт, рассекречен.
Чет или нечет?
Разницы нет, ибо певчий
закончил. Ночь — будто кречет
с темным крылом, но не нервничай,
маленький человечек.
Сделай глубокий вдох — станет легче.
Как это нечем?
Воздух, как Прометеева печень,
отрастает, лишь выключот. Так ведь, кречет?

* * *

Колодезная
вода.
В колоде
четыре туза,
да вроде бы
масть-то одна.
Володя,
привет! Не узнал?
Тот — в Лондоне,
другой — в Израиле,
а мы — на родине,
где-то подле Рязани
глядим в поволжские небеса...

Мы — где-то
возле Мордовии
для винегрета
трем теркой морковину,
и это —
развивает моторику.

Мы — недалече
от града Владимира
и от чувашской речи
тоже близко, вестимо.
Вятской сивухой печень
лупим, и все — не мимо.
Ждет костромской скворечник
птиц наших неопалимых,

а хвоя марийская лечит
в теле остывшую лимфу.

Колодезная
вода.
Полозья —
по корке льда.
Коррозия
чугунного лба.
Гудит голова —
неврозов
тугая волна...

Володя!
Кажись, узнал.
Уходим,
покинув вокзал,
где в тесной колоде
ищут только туза,
хотя не о том поют поезда
на разрыв стального узла...

* * *

Черный пиар
капает вниз с пера.
У Адама — вновь не хватает ребра.
Пойти у Иуды занять серебра?
Да в том месте — дыра...

На поле — тра-та-та.
Дикий мед — мимо рта.
Инструмент музыканта — три топора.
Поменять партитуру пора,
и вон со двора —
туда, где игра
вслепую честней, чем муштра
глаз на строчке «Ура! Ура! Ура!».

Память — лишь прах,
лишь сияющий прах.
Кто прах — тот и прав?
Полна кобура
такого добра.
Садимся в трамвай,
едем за край,
сулит ли счастье билет — сосчитай
суммы чисел. Опять игра...

Наш трамвай —
это травма. Ай!

Солдатик твой — брав,
но патроны — брак,
а тот, кто в солдаты забрал, —
сам лишь капрал,
хотя со звездой в центре лба...

Черный пиар —
общественный пеньюар,
что подчеркнул контур бедра
жизни бедовой. Беда...
Проснемся с утра,
а земля — в головешках костра
да в костях осетра,
и пусть по-прежнему мать, но сыра.

* * *

«Походное имя —
Филин», —
записал в графе
штабист в гимнастерке и галифе.
Садилось солнце,
и все меньше оставалось червонцев
на дне кармана.
Такая карма...

В злополучном бедламе
вслед за комедией — драма.
Но ты же любишь все эти шрамы
на честном лице,
все эти листья лиственницы,
оппадающие при ударе
топора в руке оседлого варвара
с прошлым на версты пленки
и с прилипшим ко лбу черным локоном...

Что-то витало в воздухе
заблудшим возгласом
или небесной пылью.
«Эй, Филин!» —
бросала луна
с высоты своего валуна.
И мы снова ухали
со всеми лесными духами.
Как все же здесь глухо...

То, что не в тренде —
порою хмельнее бренди,
внятней того, что орут соседи,
чтоб на другом полушарии дети
проснулись от ора,
весомей того, что написано на заборе
и повторяемо за забором
про себя, но все-таки чаще хором.

Но ты же любишь,
когда жизнь — не в квадрате, не в кубе,
а есть некое «или» —
то есть выбор, и можно «филин»
пропеть как «feeling...»,
иначе — «чувство»,
не вдаваясь даже в Делеза или в Марселя Пруста...